8 лет назад. Место неизвестно.

— О со-о-олле, о со-о-олле ми-ио-о-о, — надсадно, противным тягучим голосом, напевая исковерканный старый мотивчик, услышанный ещё в далеком детстве, я старался хоть как-то развеять скуку. «Песня» получалась на столько противной, что у самого едва ли уши в трубочку не сворачивались, но мой «собеседник» оказался настоящий «кремень». — Штель френт обе-е-ед! Из-за-а-а-а, — «вдохнув» полную грудь воздуха, чтобы в следующий момент начать тянуть очень долгое и ещё более противное окончание. — Та-а-а да-а-а!

Думаю, у многих в жизни наступали такие моменты, когда окружающие люди настолько задолбали, что хочется послать всё в далёкое пешее и свалить куда-нибудь на необитаемый остров. Хочется, чтобы все вокруг, наконец, отстали, заткнулись и оставили тебя, с каждым днём всё больше разочаровывающегося в социуме, в покое. Нет, это не из той «оперы», когда ты с криками «нахер общество!» собираешься обвалить мировую экономику. Просто ты в какой-то момент жизни понимаешь, что хочется посидеть в тишине, вместо очередной попойки с коллегами, большей частью которых просто вежливо общаешься, а они, почему-то, воспринимают это как признак дружбы.

Да, порой хочется просто посидеть в тишине, один на один с пустотой в мыслях, наслаждаясь ей, а иногда, наоборот, сбежать от всех, включая самого себя, уткнуться в телефон, листая бесконечные ленты соцсетей с бессмысленными и бесполезными «смешнявками», «лайфхаками» и прочей лабудой, отдыхая мозгом, лишь бы не оставаться в тишине. Не оставаться наедине с сами собой, ведь тогда наружу начинают рваться мысли, те самые: «пять лет назад во время разговора с кассиршей в местной разливнухе, надо было ответить на её подколку вот так-то, а не ту ересь, что я тогда, не ожидавший подобного, сказал».

— Господи, за что… — устало выдохнул мой невольный собеседник, под аккомпанемент разливающейся внутри меня радости от достигнутого успеха. Пусть он был мал, но даже одна соломинка способна переломить хребет верблюду, а этих «соломинок» я за последние дни накидал столько, что, казалось, хватит погрести под собой целый табун. — Нет, я понимаю, «за что», но за что…

— Это твой крест, сын мой, стродай*, как я страдаю, — под очередной измождённый вздох, театрально суровым голосом ответил я, после чего, приступил к исполнению новой «композиции». — Фигаро, фигаро, фигаро, фи-и-игаро-о! — к слову, это был пятый наш разговор за всё это время. Первый вышел… ну он скорее не вышел, в чём, каюсь, в большей степени был виноват я. Но, эй, меня тоже понять можно!

Как я уже говорил, бывают в жизни моменты, когда нужно отдохнуть от общества, расслабиться в кампании самого себя. Эдакая перезагрузка, когда хочется лежать, ничего не делать, залипая в книгу, игры, фильмы или бездумно листая одну из десятков сосцсетей. Так сказать, морально разлагаться перед тем, как вырубиться, внутренне «предвкушая» очередной, так похожий на предыдущий, день.

Так было и со мной. Лежу я, значит, «морально разлагаюсь», как вдруг гаснет свет, а спустя секунду приходит понимание, что это не свет погас, а сознание, дабы по какой-то

ускользающей от меня причине очутиться в пустоте, не чувствуя своего тела и оставшись наедине со своими мыслями.

Это страшно. Нет, правда страшно. Тогда я не понимал, что происходит. В принципе, я и сейчас не понимал всего, но уже хоть что-то. Вот только тогда, в тот самый первый раз, я действительно сорвался. Кричал, пытаясь дозваться хоть до кого-то, а в голове летали одна за одной мысли, словно на сверхзвуковом ускорении: «что случилось», «где я», «не чувствую тела», «меня, наверное, парализовало, и я впал в кому», «так и похоронят, живого, как Гоголя», ну и так далее. А что же получил в ответ? Чей-то усталый и, казалось, несущий полное разочарование в самом себе вздох, сопровождаемый одной простой фразой, слышимой словно отовсюду, будто из множества динамиком вокруг:

— Что же… Вот я и сошёл с ума.

Всё это было крайне странным, и я сейчас не про голос в пустоте – он то как раз в категории «странного» находился на предпоследней строчке. Нет, меня волновало то, что я… почувствовал эмоции, будто они были одновременно мои и нет. Почувствовал эти слова, словно мой рот говорил их, но в тоже время чётко понимал, что это делал не я, да и голос явно был не знаком – такой, с нотками британского акцента, коего у меня никогда не было. Слова звучали на английском, который я, хоть и знал на уровне «Лондон из зе кэпитал оф Грейт Британ», но обычно худо-бедно мог понимать суть сказанного. Вот только в этот раз я его чётко понимал, как родной, будто каждый день в своей жизни говорил на нём. Так что, да, «голос в пустоте» был не самым странным.

Вот только сколько бы я не говорил, сколько бы не пытался кричать, даже молить, собеседник продолжал сохранять молчание. Каким-то образом у меня было понимание, что он меня слышит, как человек обычно ощущает, что дует ветер своей кожей, только кожи у меня не было… как и тела… В общем, да, понимал, что меня слышат, но упорно игнорируют. Честно признаться, я тогда на него сильно обиделся и начал вот это всё.

Поначалу, после долгих часов пения в «никуда», я пытался начать ощущать что-нибудь по методике одного маленького зелёного человечка из далёкой-далёкой галактики, но всё было тщетно – я банально не знал, в «куда смотреть, чтоб было весело»… В смысле, чтобы эту силу, так сказать, почувствовать. Пыжился, наверное, пол дня, но моим потолком было всё то же ощущение, при котором я явно что-то чувствовал, но вот «что» – не понятно.

Тогда я начал петь. Нет, не потому что, мне нравилось, хоть и не без этого, а потому что прекрасно понимал, что «собеседник», сколько бы он не делал вид, что игнорирует, будет слышать это, как слышал мои крики раньше. Значит, рано или поздно ему надоест… Надежный план, Витя, как, блять, швейцарские часы, но иного не было. Да и отвратно это – ни хрена не понимать, оказавшись хрен пойми, где, хрен пойми, как.

Так началось «Ыпичное» противостояние. Наша битва была легендарна: я пел настолько отвратительно, насколько мог и даже больше, чередуя самые бредовые тексты, которые мог вспомнить, а когда они заканчивались, придумывал свои и так по кругу. Вот только, сколько бы я не упорствовал, результат оставался прежним – я страдал, а он – игнорировал.

Сколько так продолжалось точно, не знаю, но из чистого принципа я пытался не прерываться и не затыкаться ни на секунду, с каждой новой «песней» фальшивя всё сильнее и сильнее, до тех пор, пока меня не начало выворачивать от собственного голоса. Когда же я хотел на всё плюнуть и отдохнуть от себя самого, случилось это. «Он» заговорил.

— Какая же раздражающая… шизофрения мне досталась, — по голосу было сложно определить, чего в нём было больше, усталости или раздражения, но это был прорыв – вторая фраза, которую мне удалось услышать с момента начала моего странного «путешествия». К сожалению, на этом всё и закончилось, но по сравнению с тотальным игнорирование, это было уже хоть что-то!

— Молчание в обмен на ответ! — решил я «ковать» пока мог. С «той стороны» раздалось столь знакомое и, ставшее в какой-то мере, привычным, молчание, но в этот раз я почувствовал, что «собеседник» задумался. Опять же, я не понимал, как мог это чувствовать, но решил просто смириться на время.

— Хорошо, — раздалось через пару секунд. — Спрашивай.

В голове, стоило лишь услышать эти слова, словно взорвалась ядерная бомба. Тысячи разных мыслей роились, подобно множеству голосов людей, кричавших каждый своё, создавая настоящую какофонию звуков. Мне показалось, что я оказался в тех сценах из фильмов, когда показывают работу на фондовых биржах, где в одном помещении собираются десятки, сотни клерков с телефонами и каждый кричит что-то своё, отчего нужно фокусироваться, чтобы разобрать слова хоть кого-то. Ворох вопросов… Сколько всего мне хотелось узнать, сколько спросить, поговорить.

— Где я и кто ты?

В ответ послышался ироничный смешок, а спустя мгновение мне пришёл шокирующий ответ ядовитым тоном:

— Ты? Ты – моя шизофрения, — чувствую, как его губы растягивается в кривую ухмылку. — А находишься ты в моей голове, вестимо.

Сказать, что я был шокирован – ничего не сказать. Ответ оставил лишь больше вопросов, а я даже на секунду усомнился в своей «реальности», но, благо, быстро отбросил всяческие сомнения: я – реален, моя жизнь была, да и всё ещё остаётся реальной, а не плодом чьего-то больного разума!

Думать приходилось быстро, поскольку понимал, что «собеседник» начал терять интерес ко мне, плавно погружаясь в собственные мысли, а ждать следующего раза, когда мне удастся его доконать, не выжав всего, что мог – попросту глупо.

— А кто тогда ты? — задал я наспех придуманный вопрос. — В чьей голове я, эм…

Шизофренирую?

— Франкенштейн. Меня зовут Виктор Франкенштейн, — я каким-то образом чувствовал, что он говорит правду. Причем чистейшую, а не из разряда «однофамильцы» или «псевдоним», когда, вроде бы человек говорит правду, но в то же время и умалчивает детали. Нет, напротив, в его словах чувствовался какой-то… вес? Словно он своим «Виктор Франкенштейн» отвечает на невысказанный, но обязательно возникающий у любого человека, вопрос: «Да, тот самый».

— О, тёзка… — признаюсь, в тот момент я настолько опешил, что слова сами собой сорвались с языка, отчего Виктор как-то странно усмехнулся, чему я уже не особо придавал значения, погружаясь в ворох мыслей.

С тех пор многое поменялось. Самым сильным изменением стало то, что я более не висел в пустоте – просто в какой-то момент вдруг осознав, что её больше нет, а окружающее пространство мгновенно изменилось, словно всегда было таким. У меня вновь было тело, моё, родное, но самое главное, что я вообще его ощущал, а не был, эм… голым разумом, висящим в пустоте.

Само же помещение представляло собой большой, рабочий кабинет в старинном стиле: массивный деревянный лакированный стол, заставленный тетрадями, заполненными аккуратным каллиграфическим подчерком; обилие шкафов с полками, заставленных книгами в твёрдом переплёте, пронумерованными и не открывающимися, сколько бы я их не пытался крутить в руках. Книги казались вырезанными из камня, будто самым искусным мастером, отчего их можно было спутать с реальными книгами; окно, плотно завещанное шторами, скрывавшими пугающую пустоту по ту сторону стекла. Комната словно существовала в этой пустоте… бездне, всматриваться в которую не было никакого желания.

Единственным, что сильно выделялось на фоне убранства рабочего кабинета, будто вырванного из века, навскидку, восемнадцатого, это две двери, расположенные на противоположной от стола, стороне. Одна – обычная, вписывающаяся в интерьер, а вот другая… Начать стоит с того, что она была обвешана толстенными и, даже на вид прочными, цепями. Какие-то из них были ржавыми, и, казалось, способными развалиться от лёгкого прикосновения, другие же были новыми, будто только с завода. Сама же дверь выглядела потрёпанной, в некоторых местах оббита металлом, из-под которого проглядывались длинные полосы как от когтей. Почему они расположились с внутренней стороны двери – для меня было загадкой. Но самым странным было отнюдь не это, а звук тяжелого дыхания, перемежающийся с рыком и… шёпотом тысяч голосов, ввинчивающихся под череп, расползаясь по мозгу тысячей муравьёв, стоило лишь приблизиться к ней на расстояние в несколько метров.

Надо ли говорить, что я свалил в противоположный от неё угол так быстро, как только почувствовал поползшие по спине мурашки? Эта дверь… она пугала. Не так, как обычно делают дешёвые ужастики, а по-настоящему. Вызывала животный страх, ужас. Липкий и холодный. Было в этом что-то… неправильное. Противоестественное. Потустороннее.

— Не лезь, — рядом со мной раздался голос Виктора, но сколько бы я не крутил головой, а помимо меня в кабинете всё так же никого не было. — Не стоит лезть к Копью, — продолжил

он строго отчитывать, словно маленького ребёнка, собирающегося воткнуть пальцы в розетку.

— Копью?

— Копью, — в его голосе явно читалась фраза «я всё сказал», после чего ощущение «присутствия» вновь пропало. Я остался один. Петь в этот раз не было никакого желания, поскольку скуку смело только так. Вот только понимая, что вопросов становится лишь больше, а Виктор не очень спешит давать на них ответы, я, как только немного пришёл в себя, решил повнимательнее исследовать кабинет.

Забавно, но Франкенштейн оказался прав на сто процентов. Я в его голове. Вопрос, о том, как это вообще возможно пока решил отложить на время, как и тот, каким образом я смог понять, что все эти книги, записи – всё это были воспоминания Виктора. Целая жизнь человека… Какие-то книги поддавались, позволяя заглянуть на первые две-три страницы, а какие-то так и оставались, будто выточенные из камня. На столе же лежала «память» в виде тетрадей, о последних нескольких неделях из жизни Франкенштейна. К слову, с чтением их не было вообще никаких проблем, кроме одной. Той, где я медленно охреневал от информации в них.

Итак… Во-первых, сейчас на дворе стоял две тысячи третий год. Во-вторых, я действительно оказался в «теле» Виктора Франкенштейна. Того самого Виктора «создателя монстра из мертвых тел» Франкенштейна. Ну, почти… Начать с тоит с того факта, что этому Франкенштейну, если мои подсчёты верны, недавно стукнуло двести тридцать два годика, четверть из которых он был обычным человеком, а потом… Ладно, об этом позже. В «заметках» мой глаз постоянно цеплялся за знакомые имена, словно пробуждающие нечто неуловимое на грани сознания, но неумолимо ускользающее. Вот только самым поражающим меня фактом были даже не смутно знакомые имена, а, то, что все они принадлежали, барабанная дробь, вампирам. Вампирам, блять!

Кровососущие, бессмертные твари были реальностью, а Виктор, из того, что я понял, как-то умудрился им насолить, раз эти ребятки вели на него последние два века охоту, окончившуюся западнёй и захватом. Из тех же записей, если отбросить незначительные детали, стали понятны некоторые странности с моим «собеседником».

Оказалось, что местный Витька не просто учёный, топчущий эту планету уже третий век, а гений-исследователь, наворотивший в самом себе такого, что вампиросы, учитывая их силу и способности, вынуждены были заманить его в ловушку, где сначала травануули чем-то убойным, а потом завалили «мясом», но даже так не смогли убить, оттого и притащили к себе, где подключили к какому-то пыточному столу, постоянно вводя ту отраву, ослабляющую Виктора и попутно начали сцеживать кровь. К слову, по описаниям из записей Виктора стол так же казался мне чем-то смутно знакомым, но я по-прежнему не мог понять, откуда, но да ладно. Витька и тут умудрился их, вампиров, удивить, отказываясь умирать, а в «заметках» начали всё чаще встречаться упоминания некоего «Копья» (наверное, того самого, которое «не лезь»). Оно то всё ещё поддерживало в нём жизнь.

Вот только читая дальше я понимал, что оказался в заднице. И я сейчас не про своё, так сказать, местоположение в теле Франкенштейна, а в целом, о ситуации. Этот «хений»,

понимая, что возможности сбежать у него, по сути, около нулевые, последние пару дней натурально готовится к смерти. Как я понял, всё то же копьё, источник его «проклятия» (как пишет сам доктор Виктор), не даёт ему умереть, воздействуя на тело, но то, вот же незадача, постоянно травится и ослабляется химией противника. Вот и получается порочный круг, который рано или поздно будет разорван, правда не так, как хотелось бы, ведь «с каждым днём мой разум слабеет, вскоре я не смогу противостоять Копью, и оно поглотит меня». В общем и целом, надежда на спасение или подвернувшийся удачный случай в Викторе слабела с каждым днём, так что мысль «послать всех к чёрту, напоследок погромче хлопнув дверью» с каждым разом кажется ему всё более привлекательной.

Что будет со мной, «хлопни» Франкенштейн дверью? Скорее всего ничего хорошего, ведь, что-то мне подсказывает (ржавеющие и осыпающиеся на двери цепи, например), что первому, с этим самым Копьём, «выпадет честь» встретиться мне, как находящемуся в непосредственной, так сказать, близости от клетки. А это значит что? Что валить отсюда надо, вот что. Ещё бы понять, «как».

_____

*— Не ошибка, герой намеренно говорит так.

http://tl.rulate.ru/book/99886/3553160